

Мужчина обязан
почитать свою жену
более чем самого
себя.

Йевамот 62б

Дина потянула на себя дверь купе и облегченно вздохнула. Каждый раз путь до вагона становился для нее сущим мучением. Колесики чемодана застревали в снегу, который, казалось, за всю зиму никто ни разу не убирал, ноги разъезжались на подмерзшей к ночи снежной каше. Под намотанным шарфом становилось жарко и колко взмокшей от напряжения шее, а голова, наоборот, мерзла, потому что шапок Дина не терпела и никогда не носила.

В вагон приходилось взбираться по крутой лестнице, волоча за собой чемодан, оттягивающий руки и норовящий зацепиться за ступеньки. И висящая на плече сумка билась о бок, и Дина боялась, что все, что лежит внутри, обязательно выпадет из раззявленной молнии, которую она так и не успела застегнуть после того, как спрятала в сумку предъявленный проводнику паспорт, и закатится под вагон, и его будет не найти и не собрать до отхода поезда.

Уже в вагоне чемодан продолжал упрямиться и отчаянно цепляться колесами, теперь за разложенную

поверх ковровой дорожки полосатую полотняную ткань. Та сбивалась и ехала под ногами, собираясь в неопрятные складки, и Дине каждый раз было стыдно, что она нарушает наведенный в вагоне порядок.

К тому моменту, как она добралась до своего купе, Дина так устала, словно не влезла в вагон, а разгрузила его. Купе было последним по коридору, то, что раньше называлось «у туалета». Правда, поезда сейчас были другие, и туалеты в них тоже, так что соседство ничем не мешало.

Во всех остальных купе уже спали люди. Самый удобный по времени поезд являлся проходящим, поэтому основная часть пассажиров давно уже расположилась согласно купленным билетам. Пахло едой и чуть-чуть коньяком, а также носками, чужими разгоряченными телами, смесью разных духов, кофе из кофемашины, немного пылью и еще железом. Дина снова вздохнула, потому что ездить в поезде не любила.

Ну ничего-ничего. Сейчас она уберет чемодан под полку, таким образом избавившись от него до утра, дождется, пока тронется поезд и проводник пройдет по купе, скороговоркой объясняя нехитрые, давно навязшие в зубах правила, постелит белые простыни, коснется головой подушки, вставит в уши беруши, чтобы защититься от потенциального соседского храпа, и уснет. А когда проснется – за окном будет уже Москва.

Она потянула дверь посильнее, и та наконец поддалась, пропуская Дину внутрь. Она дернула чемодан в последнем отчаянном рывке, оказалась внутри и за-

мерла, не веря собственным глазам. Посредине купе стояли огромные мужские ботинки. На левой нижней полке лежала чья-то шапка – мужская вязанка с помпоном, на левой верхней – расхристанная сумка с документами (Дина успела даже заметить текст, написанный, кажется, на иврите, а рядом бумажку с надписью от руки по-русски: «Ктуба»). На правой верхней полке валялся мужской пуховик, к слову, довольно дорогой. На правой нижней поверх не расправленного покрывала и без подушки ничком лежало тело...

Дина попятилась. Только трупа ей не хватало. В том, что мужчина мертв, она даже не сомневалась. Живые ТАК не лежали. Рванув с шеи шарф, она оглянулась, набрала в грудь побольше воздуха и приготовилась заорать, как вдруг тело зашевелилось, перевернулось с живота на спину и так и осталось лежать, смиренно сложив руки крест-накрест. Раздался мерный раскатистый храп, тут же заполонивший все пространство купе и заставивший потесниться густой аромат коньяка, висящий в воздухе. Спящий на полке мужик был жив, просто мертвецки пьян.

Дина в отчаянии посмотрела на часы. До отправления поезда оставалось две минуты. Перспектива оказаться на всю ночь запертой в купе с чужим пьяным мужиком оптимизма не вселяла. Господи, и что ей делать?

Немного подумав, она брезгливо пнула стоящие посредине купе ботинки, загнав их под полку, двумя пальцами взяла чужую шапку и бросила ее наверх, к пуховику, затем зачем-то переложила туда же порт-

фель с бумагами. Бардака Дина не терпела. Убрал свой чемодан, она закрыла дверь, села на свою полку и пригорюнилась.

Дверь купе поехала в сторону, и в проеме показался еще один попутчик. Тоже мужчина, лица которого было не видно, потому что он на ходу разматывал шарф, такой же толстый и мягкий, как у Дины. Мужчины, которые могли себе позволить носить такие шарфы поверх строгого однобортного кашемирового пальто, вызывали у нее уважение. Ну и любопытство, конечно.

Вынырнув из шарфа, мужчина провел рекогносцировку на местности, одним коротким взглядом оценив и Дину, и лежащее на соседней полке тело, и бардак на одной из верхних полок, и в этот момент Дина его узнала.

Это был Боря, Борис Посадский, внук лучшего друга Дининого деда, а также ее университетского преподавателя Соломона Абрамовича Посадского. Когда Дина была маленькой, они жили в одном доме, основательной просторной «сталинке» в центре города, только Посадские в первом подъезде, а Резниковы – Динины бабушка и дедушка – в третьем. Соломон Абрамович и дедушка вечерами частенько играли в шахматы, и Дина, если родители оставляли ее ночевать, всегда увязывалась за дедом, потому что ей было интересно слушать стариковские разговоры.

Соломон Абрамович Посадский преподавал английский язык в университете, Давид Исаакович Резников возглавлял областную станцию переливания крови,

и оба они были людьми образованными, умными, глубоко эрудированными, блестящими собеседниками. Квартира Посадских Дине очень нравилась. У ее деда тоже была большая библиотека, но у Соломона Абрамовича она казалась просто огромной: в одной из комнат рядами стояли металлические стеллажи, как в настоящей библиотеке, и маленькой Дине нравилось между ними бродить, задумчиво разглядывая книжные корешки, прохладные под пальцами и немного пахнущие пылью.

Многие книги были на английском, и Дине страсть как хотелось узнать, что именно в них написано, и уже тогда она для себя решила, что будет учить иностранный язык, после школы поступит в университет, а потом станет переводчиком. В принципе, так оно все и вышло. А старый Соломон Абрамович еще успел побыть ее преподавателем. Его, да еще профессора Свешникова, Дина и ее подружка Соня Менделеева особенно любили.

В них, учителях старой школы, было что-то по-настоящему мужское, даже величавое. Свешников, впрочем, скоро заболел, ушел на пенсию, а потом и вовсе умер, а вот Посадский все еще был жив. Сейчас ему уже было под девяносто, похоронив жену, он один жил все в той же «сталинке» в центре города, и Дине внезапно стало стыдно, что она так давно его не проводывала и даже не звонила.

Борю, Бориса Посадского, она иногда встречала на важных переговорах, где работала переводчиком. Он вообще был заметной фигурой в городе: удачливый бизнесмен, пользующийся уважением политик, а глав-

ное — завидный холостяк. Несмотря на то что сейчас младшему Посадскому было уже около сорока, он не спешил связывать себя узами брака, хотя, как знала Дина из досужих сплетен, ходоком считался знатным.

По нему сохли многие барышни, но Дина в их число никогда не входила. Глупо влюбляться в друга детства, особенно при условии, что даже в детстве он никогда не обращал на тебя особого внимания. Боря был на шесть лет старше Дины и на приходящую в гости пигалицу смотрел с вежливой доброжелательностью, но без всякого интереса.

В принципе, ничего и не изменилось. Однако сейчас, глядя на стоящего в дверях Бориса, Дина не могла сдержать радостный возглас.

— Боже мой, Боря, если бы ты только знал, как же я рада тебя видеть!

Он коротко рассмеялся.

— Не могу сказать, что я не понимаю почему. Привет, Динка.

Поезд, словно это приветствие было адресовано ему, мягко тронулся с места, набирая скорость. За окнами поплыл знакомый до мельчайших подробностей перрон. «Платочки белые, глаза печальные», — вспомнилось Дине, хотя к ней это не имело ни малейшего отношения. Ее никогда никто не провожал, да и сама она свои командировки воспринимала как данность, не как прощание. Не с кем ей было прощаться. И никто ее нигде не ждал. Кроме мамы с папой и верной подруги Сони Менделеевой, в прошлом году успешно ставшей

Софьей Лаврецкой и сейчас ожидающей ребенка, по ее собственному мнению, «от лучшего в мире мужчины».

В принципе, с этим утверждением Дина не спорила, потому что мужчин лучше Феодосия действительно не знала. Негусто было с мужчинами в ее жизни, непонятно почему. Хотя что тут непонятного? Слишком высока была планка, задранная с детства такими мужчинами, как дед, как Соломон Абрамович, как папа и все родительские друзья. Среди Дининых сверстников таких не было, вот только Соне, пожалуй, действительно повезло.

Соня и ее муж познакомились при таких детективных обстоятельствах, которые бывают только в книгах¹. Зато и «проверку боем» их отношения прошли с самого начала, поэтому в том, что подругу ждет счастливая семейная жизнь, Дина даже не сомневалась.

Борис тем временем снял куртку, пристроил ее на вешалку, закинул на верхнюю полку свою сумку, присел рядом.

– Ты в Москву?

– Да, взяла заказ на сопровождение. Я же занимаюсь синхронными переводами, у нас в городе этим на хлеб с маслом особо не заработаешь, так что несколько раз в месяц езжу в Москву. Есть несколько фирм, которые сотрудничают со мной регулярно, иногда разовые заказы подворачиваются, но этот из постоянных, — сказала она. — А ты?

¹ Подробнее об этом читайте в романе Людмилы Мартовой «Дьявол кроется в мелочах».

– А у меня в Подмоскowie фирма. Выращиваем искусственные сапфиры. Кстати, удерживаем первое место в мире по выручке, – он мимоходом улыбнулся, и эта короткая улыбка сказала Дине больше, чем любые слова. Своим детищем Борис Посадский гордился и дело свое любил. – Я в Москве практически все время. В понедельник уезжаю, в пятницу возвращаюсь. Совсем бы перебрался, но дед просит приезжать хотя бы на выходные. Для него это важно, а для меня важно все, что важно ему.

– Как Соломон Абрамович себя чувствует? Родители говорили, что он болел. Я, признаться, чувствую себя свиньей, что давно его не видела.

– Да ладно, что я, не понимаю. Жизнь сейчас у всех такая, что, пока с делами расквитаешься, хоть с рабочими, хоть с домашними, уже ни на что другое сил не остается.

По сравнению с разрывающимся между двумя городами Борисом, с его бизнес-заботами, политической карьерой и огромной благотворительностью, о которой он никогда не рассказывал, но в городе все равно об этом знали, у Дины не было никаких особых дел. Ну да, она тоже моталась в Москву, сопровождая переговоры и конференции как переводчик высокого класса. Да, брала документальные переводы на дом, а еще, для души, переводила книги для одного из крупных издательств. Но все-таки основную часть времени была сама себе хозяйкой, так что выкроить время на то, чтобы проведать старого учителя, могла бы. И не надо Боре искать ей оправдание.

Из покаянных мыслей ее вывел особо громкий всхрап соседа.

– Так, спать сегодня ночью явно не придется, – философски заметил Боря. – Что ж, у меня есть новая аудиокнига, как раз до Москвы хватит. Но ты не переживай, я в наушниках слушаю.

– Я и не переживаю. У меня беруши. Я же часто езжу в Москву, а потому готова к любым соседям. Кроме вот такого, конечно. – Она кивнула на храпящего мужика. – Спасибо тебе, ты своим появлением меня сегодня просто спас.

– Да ладно, – он засмеялся – вкусно, раскатисто, от души, обнажая крепкие белые зубы. – Не надо приписывать мне лишнего геройства. Тем более что это тело, – тут он скептически посмотрел на спящего, – пробудет в коме как минимум до утра.

Как ни странно, ночь действительно прошла спокойно. Дина уснула сразу, как только коснулась головой подушки, и за ночь просыпалась раза два, не больше, тут же отключаясь снова, успевая лишь отметить, что пьяный на соседней полке по-прежнему лежит все в той же позе, а у Бори наверху горит лампочка, означающая, что он не спит.

Под утро сон ее стал особенно глубоким, поэтому она не слышала ничего и проснулась лишь тогда, когда проводница хлопала ее по плечу.

– Просыпайтесь, скоро Москва.

Дина села на полке, озираясь по сторонам. Напротив нее рядом сидели Борис и вчерашний незнакомец,